

Суффиксальная универбация в системе номинативных средств русского языка

Вводные замечания

Исследования языка как системно-структурного образования проводятся в синхроническом, диахроническом, парадигматическом, синтагматическом аспектах. В последние десятилетия стал актуальным деривационный аспект изучения языка.

Термин «деривация» используется не только в области словообразования (Курилович, 1962), деривационные процессы происходят на всех уровнях языка, а в деривационные отношения вовлекаются как одноуровневые, так и разноуровневые единицы (например, слово: слово, слово: словосочетание, предложение: слово).

Внутриязыковые отношения слов как двусторонних единиц не исчерпываются их линейными (синтагматическими) и ассоциативными (парадигматическими) связями, необходимо учитывать и деривационные или эпидигматические отношения (Шмелев).

Семантическая производность, деривационная «связанность» и мотивированность производных слов могут быть признаны теми параметрами, которые определяют эпидигматику слова.

Динамический характер лексической системы обусловлен различными факторами: взаимодействием регулярности и экспрессивности (Шмелев), смещением плана содержания или плана выражения (Карцевский), тенденцией к экономии языковых средств, действием различных способов словообразования. Значение словообразования в языках типа русского трудно переоценить. Благодаря словообразованию язык постоянно пополняется новыми словами, отражающими все стороны жизни общества.

Хотя в отечественном языкознании описание явлений словообразования имеет давние традиции (главным образом, работы И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. Ф. Фортунатова, Н. В. Крушевского), самостоятельным объектом изучения словообразование становится лишь с середины 40-х годов XX в., а выделение словообразования в отдельную дисциплину происходит примерно к концу 60-х годов, чему способствовали известные работы Г. О. Винокура и В. В. Виноградова. С начала 70-х годов наблюдается интенсивная разработка проблем словообразования как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (См. Теория грамматики, 1992).

Основная часть

В изучении словообразования сформировалось три направления:

синтаксическое (трансформационное, порождающее, начало которому было положено работами Н. Хомского), сторонники которого считают, что все производные слова (дериваты) создаются (или были когда-то созданы) синтаксическим путем, то есть мотивируются синтаксическими конструкциями (см. работы Л. В. Саханного, Е. Л. Гинзбурга, Е. С. Кубряковой);

ономасиологическое, представители которого стали рассматривать словообразование с точки зрения теории номинации и осуществления номинативной деятельности говорящего (М. Докулил и его последователи); ономасиологический подход к изучению словообразования позволяет сделать заключение о том, как членится нашим мышлением экстралингвистическая реальность, какими оказываются мотивы обозначения.

Сторонники функционально-семантического направления на первый план ставят проблемы, связанные с семантикой, функционированием и созданием производных слов в живой речи и тексте.

Анализ работ современных отечественных и зарубежных дериватологов убеждает в том, что большинство лингвистов склонно рассматривать словообразование как самостоятельную лингвистическую дисциплину, как целостную (автономную) систему (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, Н. А. Яценецкая и др.).

Однако есть и другие точки зрения относительно статуса словообразования. Так, иногда словообразование считается частью грамматики (Лопатин, 1974); Г.В. Николаев рассматривает словообразование как деривационный аспект лексики (Николаев, 1987); с точки зрения Л. В. Саханного, словообразование – система универбации внутри системы номинации (Сахарный, 1985).

Наиболее приемлемой нам представляется позиция В. М. Никитевича, по мнению которого словообразование является «компонентом более сложной системы номинативной деривации» (Никитевич, 1986, 53), хотя следует отметить, что существуют различные трактовки термина «деривация».

Как уже отмечалось, понятие «деривация» было введено в научный обиход Е. Куриловичем в 30-х годах XX в. для характеристики словообразовательных процессов, образования в языке любых вторичных знаков, в том числе предложений (Курилович, 1962). Следует учитывать, что деривация охватывает сферу производства текста (предложения) как коммуникативной конструкции и слов или словосочетаний как строевых элементов коммуникативной конструкции (Адливанкин, Мурзин, 1984, 7).

Широкое понимание термина «деривация» встречаем в работах В. М. Никитевича.

В нашей работе под деривацией понимается морфологическое словообразование, соответственно, дериватом называется производное слово (от лат. *derivatus* – отведенный, *derivation* – отведение, образование).

Таким образом, словообразование является одним из способов номинации.

При анализе словообразовательных процессов закономерно встает вопрос о соотношении диахронии и синхронии в словообразовании.

Синхрония, обозначая состояние языка в определенный момент его развития, иногда приравнивается к статике в противовес динамике и диахронии. Однако это неправомерно, так как язык является объектом, не статическим по своей природе, язык динамичен, непрерывно существуя и развиваясь в процессе функционирования.

Синхрония и диахрония представляют собой два подхода к анализу языка: синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц, диахроническое – процессы превращения одних единиц в другие.

Наличие различных концепций и разные подходы к анализу словообразовательных процессов (например, чисто синтаксический подход к анализу производных слов у Е. Л. Гинзбурга, характеристика словообразования с позиции психолингвистики у Л. В. Сахарного, включение словообразования в грамматику у В. В. Лопатина) свидетельствуют о сложности самого объекта и стремлении лингвистов дать максимально полное и по возможности непротиворечивое описание современного русского словообразования.

Какое место в словообразовательной системе, а, следовательно, в системе номинативных средств русского языка занимает суффиксальная универбация?

Универбацией (от лат. *un(um)* – одно, *verb(um)* – слово) называют способ образования слов на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием (кожаное пальто – кожанка). Универбация – способ, не новый для русского языка, стяжение описательных номинаций в топонимике известно в древнерусском языке (Серебрянников, 1959).

Универбация – явление, распространенное и в других славянских языках, что подтверждается наблюдениями польских, чешских, словацких, болгарских лингвистов: А. В. Исаченко, М. Докулила, А. Едлички, Д. Буттлер, А. Боргашевича, М. Виденова и других (подробнее см. Осипова, 2002).

Суффиксальные универбы всегда мотивируются определенным словосочетанием, имеющим характер устойчивой номинации,

характеризуются фразеологичностью семантики, экспрессивностью и общим словообразовательным значением предметности.

Своеобразие суффиксальных универбов заключается в том, что при их образовании и употреблении наблюдается взаимодействие различных тенденций. Возникнув под действием тенденции к экономии, универбы в определенной степени оказываются избыточными языковыми единицами, так как представляют собой ономаσιологические варианты уже имеющихся описательных наименований; частота и длительность употребления универба лишает его экспрессивности, переводя в разряд узучальных слов (анонимка – анонимное письмо, безрукавка – безрукавная фуфайка, взрывчатка – взрывчатое вещество, открытка – открытое письмо, сетчатка – сетчатая оболочка глаза, электричка – электропоезд и другие).

С одной стороны, появление универба – это акт словообразования, так как возникает новое слово с помощью образующего аффикса. Но, с другой стороны, это трудно считать актом номинации, так как денотат остается прежним.

Суффиксальная универбация исходной синтаксической структуры всегда сопровождается редуцией плана выражения и появлением в суффиксальных дериватах имплицитных смыслов. Невыводимость лексического значения деривата из его словообразовательной структуры квалифицируется как идиоматичность семантики производного слова. Идиоматичность семантики является свойством универбов, присущим им в разной степени. Однако у суффиксального универба, являющегося ономаσιологическим вариантом мотивирующего словосочетания и соотносительного с тем же денотатом, и фразеологичность семантики имеет как бы вторичный характер.

Лексические значения мотивирующего прилагательного и эллиптированного существительного входят как обязательные компоненты в семантику универба, однако их соотношение в семантическом объеме суффиксального универба различно.

У одних универбов на первый план выступает значение мотивирующего прилагательного. Семантика опущенного компонента оказывается размытой и в то же время легко предсказуемой; суффикс при этом выражает общее значение предметности. Например, временка – временная железная дорога, временный поселок, временное оборудование, временное строение, временное решение. Этим словом можно обозначить нечто временное, любой временный объект. (Сравн. дешевка – дешевый предмет, дешевая вещь, словом, все, что стоит дешево, и, следовательно, является некачественным).

К подобным словам, имеющим широкую референциальную отнесенность, можно отнести универбы, первой частью которых является числительное: пятиминутка, семилетка, а также универбы, мотивированные

относительными прилагательными: вечерка – вечерняя газета, вечерняя смена, вечернее отделение (в ВУЗе), вечерняя школа; военка – военная служба, военная кафедра в ВУЗе, военная промышленность; персоналка – персональное дело, персональный легковой автомобиль, персональная пенсия, персональный компьютер, персональная опека (спорт., в футболе).

К другой группе можно отнести универбы, в которых суффикс -к-(а) выражает вполне конкретные значения и в семантике которых существительное место занимает значение эллиптированных существительных: бытовка – бытовое помещение, бытовое правонарушение, бытовые заботы; служба быта; визитка – визитная карточка; одежда для визитов; небольшая мужская сумка – визитка; кондитерка – кондитерская фабрика, кондитерские изделия; фундаменталка – фундаментальная библиотека, фундаментальная работа (подробнее о полисемии и омонимии суффиксальных универбов см. Осипова, 2005).

Значение подобных универбов не всегда ясно без контекста, поэтому, как правило, их употребление сопровождается упоминанием мотивирующего словосочетания.

Данное замечание касается и тех универбов, в семантическом объеме которых одинаково важное место занимают лексические значения обоих компонентов – мотивирующего прилагательного и эллиптированного существительного.

По нашему мнению, в суффиксальных универбах почти всегда отражается время, присутствуют социальный и прагматический компоненты. Универбы правомерно включать в так называемую фоновую лексику, так как их значение и употребление тесно связано с ситуацией и временем их появления («фоновое знание» – обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» (Ахманова, 1966, 498).

Все сказанное позволяет считать суффиксальные универбы страноведчески ценными словами, так как в их семантике содержится национально-культурный компонент, отражающий своеобразие культуры народа.

Таким образом, всесторонний анализ универбов важен и при изучении русского языка как иностранного, так как суффиксальные универбы – это, в сущности, безэквивалентная лексика (о делении лексики на безэквивалентную, фоновую и коннотативную см. Верещагин, Костомаров, 1983).

Своеобразной поддержкой этого мнения могут служить высказывания и наблюдения известных писателей.

“Западные слависты и переводчики, – замечает С. Довлатов, – люди весьма добросовестные. Они вооружены бесчисленными русскими

словарями. В их распоряжении академический Даль, тома Ушакова и Ожегова. А также всевозможные справочники... Тем не менее проблемы у славистов есть... В письмах они то и дело спрашивают: “Что значит слово “клиент”? Что такое “деятель”? В таком, например, контексте: “Толкает меня один клиент, а я этому деятелю говорю – не возникай!” Кстати, что такое – “не возникай”?

В общем, академических словарей недостаточно. Они совершенно не выражают разнообразия будничной лексики. Тем более ненормативной лексики, давно уже затопившей резервуары языка...

Не будем говорить о том, хорошо это или плохо. Язык не может быть плохим или хорошим. Качественные и тем более моральные оценки здесь неприменимы. Ведь язык – это только зеркало, на которое глупо пенять.

Случилось то, что лаконично выражается народной поговоркой “Какое время, такие песни”.

Вот мы и подошли к главному. С чем имеет дело хороший переводчик? Он имеет дело не с песнями. Он имеет дело – с временем.” (Малоизвестный Довлатов).

В рассказе Ю. Нагибина “Как я ходил в публичку” описывается трагикомическая ситуация, возникающая в результате неверного понимания переводчиком значения слова: *“Скажи, что такое, по-твоему, “публичка”? – спросил я мягко. – Как что?... Публичка (все японцы, владеющие русским, стоит им разволноваться, ... немедленно утрачивают букву “л”, отсутствующую в японском языке) – это маленький публичный дом. – Это публичная библиотека, – сказал я. – Библиотека?! – вскричал Танака трагическим голосом. Господи боже мой!”* (Ю. Нагибин).

Без сомнения, во многих универбах отражаются личные или общественно-групповые оценки соответствующих явлений, отражается время. Например, запретка – запретная зона. – *Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключёнными и надзирателями. По обе стороны запретки расстился единый и бездумный мир* (С. Довлатов, Зона); запрещёнка – запрещённая литература. – *Знаете, как мы росли? Если б бесстрашно или в страхе мы тогда не прочли, ну хоть Оруэлла, если б не делились “запрещёнкой”, если б не ходили на выставки – те, иные из которых сносились бульдозерами!...* (Огонёк, 1989, № 24, 19); коллективка – коллективное письмо. – *Некоторую ясность (но и недоумение тоже) внесла другая “коллективка”: её копию нам переслали из прокуратуры* (Лит. газ., 1987, 14.10); колючка – колючая проволока, забор из колючей проволоки. – *А страшная история с Худенко, талантливейшим экономистом, пророком и мучеником перестройки?... За что же его сгноили за колючкой?* (Огонёк, 1988, 5); наглядка – наглядная агитация. – *Очевидно, что гигантское количество “наглядки”, возникшее в 70-х годах,*

отключилось от человеческого фактора. Продолжая существовать, лозунги и плакаты... образовали иллюзорный мир (Сов. культура, 1987, 10.03); наличка – наличные деньги. – *Предприятиям, лишённым кредитов, надо было платить зарплату. То есть потребовалась большая рублёвая масса. Или, как сейчас говорят, наличка* (Куранты, 1993, 31.07); объективка – объективные сведения о каком-либо лице. – *Любая анкета состоит из двух частей. Первая часть, в социологическом просторечье объективка, собирает объективные сведения...* (Пути в незнаемое, М., 1974, с. 46); социалка – 1) социальная помощь. – *Сидеть на социалке* (Моск. нов., 1995, № 84) 2) объекты соцкультбыта. – *Указ предписывает... освободить колхозы от “социалки” (объекты соцкультбыта)* (Моск. комс., 1996, 19.04).

Одни универбы уходят в прошлое (железка – железная дорога), другие возвращаются в словарный состав языка. Например, Румянцевка – Румянцевская библиотека, экс-Ленинка. – *Лишили же Румянцевку родного имени ради одного из читателей В. Ульянова... Пришло время, и снова открываем двери Румянцевки.* (Куранты, 1993, 6.05); Маринка – Марининский театр. – *Кто хозяин в Маринке?... в конце 80-х... к власти пришёл не только дирижёр, но, в первую очередь, блестящий организатор. Для начала как истый хозяин Гергиев вернул театру подлинное историческое имя – Кировский вновь стал Маринским.* (Аргументы и Факты, 1995, № 38); *... в Лондоне и Париже ... Сергея Лейферкуса из Маринки ждут с распростёртыми объятиями* (Моск. нов., 1995, № 41). Биржевка – газета “Биржевые новости”. Издавалась с 1880 по 1917 г.г., возобновлена в 1991 г.

Даже универбы – однодневки будут представлять интерес не только для лингвистов (сравн., например, названия денежных знаков, появившихся в начале 90-х: павловки, суворовки, вагнорки и др.), так как в их семантике содержатся элементы прагматической информации, и без учёта подобных образований языковая картина описываемого периода будет неполной.

Выводы

Русский язык наших дней, его нормы формируются в значительной мере под воздействием языка научно-популярных, научных, публицистических произведений, языка прессы, научно-деловой и разговорно-литературной речи.

Вместе с тем заметнее становится воздействие обиходно-разговорной речи на формирование норм литературного словоупотребления. Интеллектуализация языка и его демократизация – две разнонаправленные

тенденции, определяющие характер и содержание развития современного литературного языка (Сороколетов 1995; Костомаров 1994).

Большое количество инноваций и суффиксальных универбов (бытующих, в основном, в разговорной речи) встречается на страницах газет, что подтверждает мнение о том, что газета не только «самый чуткий регистратор новых образований, значений и употреблений слов и словосочетаний», но и «творец таких образований» (Котелова, 1988).

Подавляющее большинство универбов встретилось нам на страницах газет; в журналах исследуемые дериваты чаще встречаются в статьях публицистического, критического характера, чем в языке публикуемых художественных произведений. В художественных произведениях универбы, как правило, используются авторами в прямой речи персонажей, в несобственно-прямой речи.

Что касается узуальных универбов и универбов, характеризующихся высокой частотностью употребления, то они используются в текстах разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

- Адливанкин, С. Ю., Мурзин, Л. Н. 1984. *О предмете и задачах дериватологии* // Деривация и текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь.
- Ахманова, О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. – Москва.
- Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. 1983. *Язык и культура*. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Москва.
- Гинзбург, Е. Л. 1979. *Словообразование и синтаксис*. – Москва: Наука.
- Костомаров, В. Г. 1994. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. – Москва.
- Котелова, Н. З. 1988. *Теоретические аспекты лексикографического описания новых слов* // Советская лексикография. – Москва.
- Курилович, Е. 1962. *Очерки по лингвистике*. – Москва.
- Лопатин, В. В. 1974. *Словообразование как объект грамматического описания* // Грамматическое описание славянских языков. Концепция и методы. – Москва.
- Никитевич, В. М. 1986. *Номема, ее семантические модели и способы реализации* // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тезисы докладов II Респ.конференции. Ч.1 – Гродно.
- Николаев, Г. В. 1987. *Русское историческое словообразование*. – Казань.
- Осипова, Л. И. 2002. *Суффиксальная универбация в славянских языках* // Семантика слова и семантика текста. Сб. науч. трудов, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. РАО Н. М. Шанского. Вып. V. – Москва.
- Осипова, Л. И. 2005. *Многозначность и омонимия суффиксальных универбов в русском языке* // Восьмые международные Виноградовские чтения. Русский язык: уровни и аспекты изучения. Сб.н.трудов. – Москва.

Сахарный, Л. В. 1985. *Психолингвистические аспекты теории словообразования*. – Ленинград.: ЛГУ.

Серебренников, Б. А. 1959. *О методах изучения топонимических названий* // Вопросы языкознания, № 6.

Сороколетов, Ф. П. 1995. *К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка* // Очередные задачи русской академической лексикографии. – Санкт-Петербург.

Теория грамматики: Морфология и словообразование. 1992. // Сб. науч. аналит. обзоров. – Москва: ИНИОН.

Suffixal Univerbation in a System of Nominal Means of the Russian Language

Suffix univerbation is specific way of word-formation in modern Russian colloquial general and colloquial professional speech. There are social, pragmatic and national-cultural components in semantics of univerb that allows to consider suffix univerbs as valuable words contain and to include them in the background, more often – lexicon without equivalents.

Key words: *onomasiology, a nomination, a derivation, suffix univerbation, synchronism, diachronism, background knowledge, lexicon without equivalents, phraseological semantics, implicit meanings, regional geographic aspect.*